

Минская мистика

Влада Ольховская

Влада Ольховская
Минская мистика

«Влада Ольховская »

2023

Ольховская В.

Минская мистика / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2023

Туризм для нечисти – дело привычное. Как только представители потусторонних видов из других стран прибывают в Минск, их начинают курировать толмачи, специальная организация сопровождающих переводчиков, гарантирующая, что гости не попадут в беду. 18-летняя Рада Василькевич пока не стала полноценным толмачом, она на практике. Но ей уже приходится непросто: пропал один из ее подопечных, странный тихий турист из Японии. Градстража, выполняющая роль полиции нелюдей, считает, что иностранец просто загулял, и даже другие толмачи отмахиваются от предупреждений Рады. Помочь ей решается только молодой градстраж, которого из-за нелепой ошибки отстранили от службы. Они начинают поиски пропавшего – и скоро убеждаются, что в опасности не один приезжий, а весь город...

© Ольховская В., 2023

© Влада Ольховская , 2023

Содержание

От автора	5
Глава 1. Теннин в июне	6
Глава 2. Кладник своего не упустит	18
Глава 3. Что, если рядом хихитун?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Влада Ольховская

Минская мистика

От автора

Послание для людей:

История, рассказанная в этой книге, – всего лишь плод писательской фантазии, все совпадения с реальными людьми случайны.

Послание для нечисти:

Ребята, не пугайтесь, я вас не выдам! Все подумают, что это просто городская сказка, гарантирую!

Глава 1. Теннин в июне

«При общении с теннином не следует повышать голос. Крик для теннина все равно что удар. Если рядом окажется хагоромо, теннин может улететь, и переговоры уже не возобновятся».

«Этика для толмачей. Первый курс», издание третье, дополненное.

Иностранец пропал. Раде оставалось лишь признать это.

Неладное она заподозрила еще позавчера, когда Канзабуро-сан впервые не вышел на связь, а она не смогла ему дозвониться. Раде это не понравилось, она тут же сообщила в отдел, но ей сказали, что беспокоиться не нужно. Первый раз, что ли? Турист приехал развлекаться, а не в четырех стенах сидеть, подумаешь, забыл про условность!

Раде такой подход не понравился, но она прекрасно знала, что никто ее слушать не будет. Она пока еще не могла даже считаться полноправным толмачом – и месяца с начала практики не прошло! Да и потом, один пропущенный сеанс связи – это и правда не так уж страшно.

На следующий день мысли о пропавшем иностранце не давали ей покоя. Рада с трудом дождалась назначенного времени – хотелось позвонить раньше, однако она боялась показаться назойливой. Она набрала номер ровно в оговоренную минуту и вместо длинных гудков услышала механическое сообщение о том, что телефон отключен.

Было плохо, а стало хуже, вот только понимала это почему-то одна Рада. В отделе лишь посмеялись над тем, что «тихоня японец ушел в отрыв». Ей рекомендовали поверить в это, как верили все, и не париться. Однако Рада слишком хорошо помнила Канзабуро-сана – с его безупречными манерами, кротким взглядом и застенчивой улыбкой. Не похож он был на человека, который станет неделями терять время на каких-то вечеринках, позабыв обо всем на свете! Да и потом, он теннин. С каких это пор теннины любят вечеринки?

Она сказала и об этом. На нее продолжили смотреть с насмешливым снисхождением. Вроде как – старательная малолетка, вчерашняя отличница унять себя не может. Думает, что в этом мире все строго по правилам. Рада попыталась вечером поделиться своими тревогами с матерью, но та слишком устала за день после переговоров с делегацией двергов, ей было не до какого-то там одинокого туриста.

Но уж на третий день Рада не выдержала. Снова нарвавшись на отключенный телефон, она не стала ни с кем советоваться. Она просто поехала в отдел, взяла дубликат ключа от квартиры Канзабуро-сана и направилась к нему.

Турист снял трехкомнатную квартиру в одной из привокзальных башен – тех самых негласных ворот Минска. Они, высокие, ажурные, величественные, гордыми стражами встречали каждого, кто добирался до города по бесконечным металлическим лентам железной дороги. Перед ними терялось даже новое здание вокзала – легко превосходившее их размером. Потому что новичок – это просто стекляшка, красивая, яркая, но существовавшая недостаточно долго, чтобы обрести собственную историю. А вот башни-ворота видели слишком много, чтобы лишиться права представлять этот город перед чужаками.

Квартиры в башнях были дорогие, но Канзабуро-сана это не смутило, ему хотелось оставаться именно там – и непременно на одном из верхних этажей. Теннин все-таки! Он не кичился своим богатством, вел себя так, будто даже стыдился этих денег, но ни в чем себе не отказывал. Тут Рада как раз удивлена не была: все йокай такие, особенно аристократы. Канзабуро-сан ей нравился, он вел себя с ней дружелюбно, словно не замечал, насколько она молода и еще не уверена в себе.

Но он все равно не откровенничал с ней, сообщал ей ровно столько, сколько и полагалось знать толмачу. Отчитывался, что с ним все в порядке, ему никто не угрожает и он отлично проводит время. Теперь вот отчитываться перестал.

Осмотрев его квартиру, Рада вынуждена была признать, что дурное предчувствие, которое она по совету коллег пыталась потушить, ее не обмануло. Нет, здесь не было следов вторжения или погрома, в комнатах царил все тот же идеальный порядок, который она видела, когда привела сюда Канзабуро-сана. Вот только жильца внутри больше не было, как не было и следов его присутствия. Кровать заправлена, вся посуда чистая, еды в холодильнике совсем мало – и кое-что уже испортилось. А главное, на тумбочке в прихожей лежат смартфон и паспорт гостя. То, без чего ему не полагалось выходить в город. Наверняка уже третий день лежат...

Вот теперь Рада не сдерживалась. Она сразу же набрала номер главы отдела и вполне эмоционально объяснила, до какой беды довела негласная политика «да не переживай ты, все будет нормально с твоим японцем!» При этом на личные связи Рада не давила и свою собеседницу называла исключительно «Ирина Федоровна», а вовсе не «мама». Раде не хотелось сойти за малолетнюю истеричку, ей важно было, чтобы и остальные поняли, насколько серьезной стала ситуация.

Ирина все-таки прислушалась к ней и приехала, да еще и не одна, а в компании Дмитрия Максимовича Усачева. А это не только друг семьи, но и начальник Минской Градстражи. На этом хорошие новости закончились.

Усачев приехал один – без помощников, экспертов и дежурных. Да и одет он был не в форму, он прибыл в штатском, возможно, у него вообще сегодня выходной. Это намекало Раде, что он просто делал одолжение всей их семье, однако отступать она все равно не собиралась. Она еще раз пересказала Ирине и Усачеву все, что знала про Канзабуро-сана, от начала до конца.

Они не были впечатлены – по крайней мере, не так, как она. Ирина задумалась о чем-то, Усачев выглядел откровенно скучающим.

– До какого у него виза? – поинтересовался он.

– До конца июня, – ответила Рада. – Но мы ведь не можем ждать так долго!

– Так долго не можем, но недельку я бы подождал.

Рада уже собиралась возмутиться, но Ирина жестом велела ей молчать и обратилась к Усачеву сама:

– Ну какую недельку, Дима? У нас тут пропал не ифрит, который может месяц в клубах зависать и даже не вспомнить об этом. У нас тут теннин, они дисциплинированные.

Усачев бросил на нее многозначительный взгляд, который мог намекать на что угодно. Скорее всего, на то, что главному градстражу столицы просто не хотелось работать, а хотелось куда-нибудь в лес, на шашлыки. Тем не менее, он глубоко вдохнул, наполняя легкие воздухом до предела, на пару секунд задержал дыхание и прикрыл глаза, потом выдохнул.

– Вы обе видите, что в квартиру никто не вламывался, – указал он. – Дверь была заперта, не вскрывалась, драки не было. Я не чувствую здесь запаха крови. А еще тут не было посторонних, картина запахов типичная и объяснимая: теннин, эта вот девочка, курировавшая его, плюс человеческий запах – но это наверняка от уборщицы или владельца квартиры.

– Я допускаю, что он мог уйти по доброй воле. Но почему тогда он оставил вот это? – Рада указала на паспорт и смартфон, лежащие на тумбочке.

– Забыл, – пожал плечами Усачев.

– Дима, это теннин, – снова напомнила Ирина. – Ну какое – забыл? Что они хоть раз забывали? Я не могу придумать ни одной причины, по которой ему выгодно было бы оставить все это здесь. Рада права, это действительно странно.

– «Странно» – это не основание для возбуждения уголовного дела. Близкие родственники к нам с заявлением не обращались, а от вашей конторы мы заявление можем принять не раньше, чем через неделю.

– И что теперь? Просто сделать вид, что никого не было?

– Сами поищите, – предложил Усачев. – Не вижу в этом ничего сложного. Толмачи должны отслеживать иностранцев? Вот и определяйте, куда он делся. А если появится хоть один толковый намек на преступный след, сразу обращайтесь ко мне, вот тогда помогу.

– Дима, это не дело, – нахмурилась Ирина. – Мы говорим о пропаже теннина. Какая тут может быть самодеятельность?

– А что такого? Вот, эта твоя девочка уже себя сыщицей вообразила, раз притащила нас сюда. Пусть играет дальше.

Рада понимала, что по закону Усачев прав. Есть строго заданные нормы для поиска иностранцев, особенно с привлечением градстражи. По срокам она уже могла обратиться в обычную милицию, вот только там вряд ли найдут теннина – потому что не сумеют правильно искать. Рада надеялась, что знакомство с их семьей заставит Усачева действовать иначе – но ведь это тоже нарушение закона, если задуматься, просто выгодное ей.

Ну и ладно. Отступать она все равно не собиралась, даже если мать не позволит ей заниматься таким. Пусть хоть уволит, все равно, она и так глушила собственную совесть слишком долго.

Ирина, должно быть, заметила ее решимость – или просто догадалась, что будет дальше, прекрасно зная свою дочь. Но и она отступать не собиралась.

– Мы его поищем, – сказала Ирина. – Я действительно доверю это Раде. Однако и ты, уж будь любезен, не отстраняйся от этого дела. Я просматривала анкету этого теннина, целью приезда он указал туризм. Но, если быть совсем уж честными, какова вероятность, что теннин привел в Минск простой туризм? Я люблю наш город и знаю его лучшие стороны, а вот теннин – нет.

– Ты начинаешь додумывать за него, это непрофессионально, – указал Усачев.

– Вовсе нет, просто стараюсь быть логичной. Вероятность того, что у него была какая-то особая цель, которую в анкете не указывают, куда выше обычного туризма, Дима. И нет никаких гарантий, что цель эта не была криминальной или не стала криминальной уже тут. Это можно подозревать даже на основании того, что мы уже знаем: он оставил телефон и документы, ушел из квартиры добровольно и пропал. Если угроза есть и Рада пострадает, что ты скажешь? Что ты не ожидал, такое не могло случиться и ты действовал по закону?

– Так не посылай Раду на это! Других сотрудников, что ли, нет?

– Это мое задание! – вклинулась Рада. – И мой подопечный! Я буду искать его, раз уж вы отказываетесь!

Ирина страдальчески поморщилась и указала на Раду рукой:

– Вот, пожалуйста! Как будто ты ее плохо знаешь. Если ты не будешь подключать на дело группу, выдели ей хоть какого-то провожатого, пусть проследит, чтобы с ней ничего не случилось.

– Где я тебе няньку возьму? У меня людей в обрез, хоть ты вешайся!

– Я у тебя не няньку прошу, а сотрудника, который будет содействовать отделу толмачей в поиске особо важного гостя. Так понятней?

Понятней Усачеву не стало. Он страдал и не собирался скрывать этого. Косвенные улики его не интересовали, он уже поверил, что его втянули в игрища истеричной девахи и отправившегося на поиски приключений японца. Ему хотелось отказаться – а отказываться было нельзя, чтобы не портить отношения.

И тут выражение его лица резко изменилось. Еще секунду назад он выглядел так, будто ему три бурундука без наркоза вырывали зубы. Теперь же его взгляд прояснился, морщины

напряжения разгладились, он даже позволил себе улыбнуться. Еще до того, как он заговорил, Рада поняла: он что-то придумал.

– Хорошо, – кивнул Усачев. – Провожатого я назначу. Он будет охранять Радую и оказывать ей всяческое содействие со стороны градстражи.

– Внезапно! – оценила Ирина. – Что ж ты не привел этого чудо-сотрудника сразу?

– Надеялся, что обойдемся без него.

– Дима, там хоть нормальный человек? Ответственный? Можно оставить наедине с Радой?

– Можно, конечно, кто у меня, по-твоему, в штате? – отмахнулся Усачев. – Это сотрудник градстражи, вот и вся информация, которая тебе о нем нужна! Я его проинструктирую и пришлю сюда. Если они за неделю не найдут японца, будем действовать другими методами.

Рада ожидала совсем не этого. Она надеялась, что поисками Канзабуро-сана займется градстража, а она продолжит волноваться за него, но уже на расстоянии. Ей была совсем не нужна такая ответственность, и в какой-то момент даже хотелось струсить, соскочить, отказаться от всего и напомнить, что она всего лишь стажерка, которой такое поручать нельзя. Но в памяти снова мелькнул растерянный, странно беспомощный теннин. Если она сейчас отступит, переживет ли он эту неделю? Простит ли она себя за бездействие? Проверять это Раде не хотелось, и она не отступила.

Она прекрасно знала, что мать не одобряет ее решение, но хотя бы понимает. Ирина освободила ее от остальных заданий, позволив полностью сосредоточиться на поиске Канзабуро-сана. Ей велели дожидаться представителя градстражи здесь и ушли.

Одиночество в этой квартире давило. Вроде как и не было тут ничего страшного, а Радую не покидало чувство, что кто-то смотрит на нее, кто-то ждет – и может напасть. Вырвется из теней, бросится на нее – и она исчезнет, как уже исчез теннин.

Это были неправильные мысли и отвратительное начало той миссии, которую Рада на себя взяла. Но подавить собственные эмоции у нее никак не получалось, и она все-таки сдалась. Рада торопливо заперла квартиру и поспешила вниз, прочь из здания, ей срочно нужен был свежий воздух.

В маленьком дворе, приятно тенистом, укутанном в сочную зелень июня, ей и правда стало легче. Здесь и по ту сторону арки, выводящей на загруженную привокзальную улицу, постоянно двигались люди, жизнь кипела повсюду и всегда. Никто не сумел бы напасть на Канзабуро-сана и остаться незамеченным – и на нее тоже не нападет.

Рада устроилась на лавочке, она закрыла глаза, чтобы отстраниться от вечно спешащего куда-то мира. Она сосредоточилась на своих воспоминаниях, пытаясь понять, было ли в поведении и словах Канзабуро-сана нечто такое, что предвещало беду.

Пожалуй, было. Тогда она ничего не заметила, потому что не пыталась искать подвох. Рада по-прежнему была новичком, ей не хватало опыта, при встрече с каждым новым иностранцем она жутко волновалась. У нее не нашлось ни времени, ни причин анализировать чье-то поведение, а теперь все изменилось.

Ито Канзабуро был нервным со дня своего прибытия в Минск. Не слишком скромным, как любой аристократичный теннин, а тревожным. С чего бы вот так дергаться обычному туристу, чего он боится – что фотография на фоне памятника Ленину не получится? Что сувенирные магнитики как раз на нем закончатся? Нет, у такой тревоги должна быть очень серьезная причина. А раз все началось в день приезда, причина эта появилась у теннина еще до путешествия, она и привела его сюда.

Да и потом, почему он снял квартиру? За те же деньги он мог бы позволить себе прекрасный номер в отеле. Если ему район понравился – вон, гостиница «Минск» в пяти минутах ходьбы! Кто выбирает аренду? Да только тот, кто не хочет слежки, кто скрывается даже от

взглядов администраторов. Это тоже указывало, что в Минск Канзабуро-сан прибыл совсем не по той причине, которую указал в анкете.

Рада готова была размышлять об этом и дальше, когда в ее мир ворвался негромкий мужской голос, прозвучавший совсем близко.

– Это ты, что ли, Рада Василькевич? Из толмачей?

Она удивленно открыла глаза и обнаружила, что прямо перед ней стоит незнакомец – парень немногим старше нее. Вот почему Усачев так легко согласился приставить к ней охрану: он, похоже, тоже какого-то стажера к делу привлек.

Градстраж оказался не слишком высоким, но и не низким – на полголовы выше самой Рады. Он был сухим, жилистым, хотя вряд ли слабым, они там все проходили серьезную подготовку, значит, просто телосложение у него такое. Черты лица были острые, тонкие, как будто нездешние, кожа очень светлая – даже к июню, когда многие успевали загореть на весеннем солнце. Но самым любопытным в нем оказались волосы и глаза. Волосы, несмотря на его молодость, были пепельно-серыми, с переливами цвета от почти черного к серебру. Глаза поражали металлическим блеском, их цвет застыл на тонкой грани между желтым, зеленым и платиновым.

Все вместе это поразило Раду: градстраж будто и не пытался скрыть свое нечеловеческое происхождение! При этом она понятия не имела, к какому виду он относится, какова его истинная природа. В любом случае, он мог бы маскироваться лучше. Еще лет десять назад такая внешность была бы неприемлема при его работе, а сейчас его спасало лишь то, что многие чистокровные люди завели моду красить волосы в немыслимые цвета и носить линзы. Но то городские хипстеры, а он все-таки градстраж!

Не похоже, что нарушение устава хоть сколько-то его беспокоило. На встречу он явился в гражданском, в черных джинсах, майке и косухе. Теперь он стоял перед Радой, небрежно спрятав руки в карманы, и казался скупающим. Ему это задание нравилось не больше, чем Усачеву, но, если Усачев на правах начальника мог отказаться от участия, новичку еще нужно было до такого дослужиться.

Рада поспешно поднялась, потому что смотреть на него снизу вверх оказалось не слишком приятно. Его скука раздражала, и все равно Рада заставила себя улыбнуться. Им предстоит работать вместе, и лучше не начинать с конфликта.

На то, что он обратился к ней на «ты», она тоже решила не обращать внимания и просто общаться с ним так же.

– Да, это я. А ты?..

– Петр Якунин. Позывной – Пилигрим.

Становилось все любопытней: у него был собственный позывной. Рада знала, что стажерам позывные не дают, только не до конца испытательного срока. Получается, несмотря на молодость, его уже приняли в градстражу.

Для этого ему нужно было сделать нечто особенное – или обладать каким-то уникальным талантом. Но если так, почему он здесь? Усачев прекрасно знал, что выбранному им сотруднику придется возиться с Радой долго, круглые сутки, если понадобится. Вот она и ожидала какого-нибудь стажера – или, наоборот, пенсионера, которому больше делать нечего.

А вместо этого начальник градстражи, похоже, прислал боевого сотрудника – которые сейчас, если верить Усачеву, на вес золота. Рада понимала, что спрашивать о таком неприлично, ее это не касается. Но она все равно не удержалась и спросила, потому что врожденное любопытство выжечь в себе не так-то просто.

Пилигрим, до этого безразличный ко всему, заметно помрачнел.

– Это не твоя забота. Тебя должно волновать лишь то, что я могу защитить тебя и помочь в поиске этого, кто он там...

– Теннина.

– Вот его.

– Прощтрафился, да? – сочувствующе поинтересовалась Рада. – И меня сделали твоим наказанием?

– Думаю, будет больше толку, если мы поднимемся в квартиру и займемся делом.

Ясно с ним все, причину он не назовет, но задание будет выполнять – скорее всего, с видом мученика. Но это Рада могла вытерпеть без труда, возвращаться в квартиру в компании градстража действительно было нестрашно. Исчезло ощущение слежки, она больше не шаралась от каждой тени, можно было браться за дело.

Знать бы еще, с какой стороны браться! Она понятия не имела, куда мог направиться Канзабуро-сан. Своему толмачу он отчитывался лишь о том, что жив, здоров и ему ничто не угрожает. Последнее, судя по нынешним событиям, было ложью.

Если бы он взял с собой телефон, можно было бы попытаться его отследить. Но он не взял... это совпадение или тот, кто его похитил, намеренно избавился от любой слежки?

– Предложения будут? – растерянно спросила она.

– Никаких. Полковник мне сказал, что тут нет следов похищения.

– Так их действительно нет, но... Как тогда начинать поиски?

– Об этом должен думать тот, кто хочет их начать, – рассудил Пилигрим. – Мне нужно содействовать и охранять тебя. Понадобится содействие – обращайся.

В этом главная беда при общении с человеком, которого заставили выполнять свою работу: стараться он не будет.

Рада попыталась изучить телефон, но это оказалось бесполезно – батарея давно разрядилась. Да и не факт, что этот номер был у Канзабуро-сана единственным, а других она не знала.

Она прошла на кухню и обнаружила, что на столе стоит букет хризантем в стеклянной вазе. Часть воды испарилась, а хризантемы завяли.

– Вот и еще одно доказательство, что он пропал, – заметила Рада.

– Мог просто не менять воду.

– Он же теннин!

– Мне это ни о чем не говорит, – отмахнулся Пилигрим. – Это толмачи должны все знать про иных. Мы-то больше по местным.

– Теннины – духи воздуха и жизни, – рассеянно пояснила Рада. – Им претит любая форма смерти, их это угнетает. Он не смог бы находиться в одной квартире с увядшими цветами.

– Нервный какой... Зачем он их вообще приволок?

Вопрос был интересный, а с ответом Рада не спешила. Самым простым объяснением было бы то, что Канзабуро-сану захотелось уюта, гармонии, для представителей его вида это очень важно. Но более внимательный осмотр кухни показал, что все может быть сложнее. Здесь хранились еда и напитки, которые неприемлемы для теннинов – вино и мясо, например. Может ли оказаться, что Канзабуро-сан готовился принять гостя? Или, скорее, гостью? А успел ли? В анкете он указал, что никаких знакомых у него в Минске нет. Но в анкетах не всегда указывают правду – да и знакомство можно было завести уже здесь.

Вот только никаких прямых указаний на возможную гостью в квартире не нашлось, разве что намеки. Еще немного повозившись на кухне, Рада перешла в гостиную, а градстраж последовал за ней неслышной тенью. Он напрягаться определенно не собирался, и это раздражало. Но как только Рада открыла шкаф в гостиной и увидела, что там хранится, и раздражение, и мысли о ее спутнике исчезли сами собой. Рада только и могла, что изумленно охнуть, не веря своим глазам.

Она никогда еще не видела хагоромо – своими глазами, не в книге или в интернете. Да и откуда? В университете она изучала йокай и их традиции – просто как часть общей программы. И она примерно знала, что такое хагоромо, но никакая картинка не сравнилась бы с реальностью.

Перед ней было кимоно из тончайшего черного шелка, расшитое перьями. Шелк хранил на себе картину – бушующее море, звездная ночь, перепуганные птицы, несущиеся над пенистыми волнами. Перья переливались перламутром и, кажется, мягко мерцали. Они были одновременно крыльями птиц, пеной на волнах и лунным сиянием, подаренным неразумным людям. Кимоно приковывало взгляд, завораживало, до него хотелось дотронуться – и страшно было дотронуться. Потому что казалось: любое неосторожное движение порвет его, разрушит совершенство, и без того такое зыбкое...

Удивительной красоты кимоно оказалось достаточно, чтобы впечатлить даже сурового градстража.

– Ничего себе, – присвистнул он. – Такого еще не видел!

– Это хагоромо, – пояснила Рада. – Магическое кимоно, обладать такими имеют право только теннины, это их родовая реликвия. С помощью хагоромо они летают.

– Так, а если кто другой этот халат натянет, взлетит или нет?

– Предлагаю это не испытывать! У нас тут уже пропавший теннин есть, бонусом кто-нибудь летающий нам не нужен. Нам необходимо о другом думать... То, что хагоромо здесь, означает, что все даже хуже, чем я думала.

Она знала, что градстраж ее не поймет, и оказалась права.

– С чего это? – удивился Пилигрим. – Ты же говоришь, что кимоно принадлежало ему официально.

– Да. А еще я могу сказать, что он его не задекларировал.

Магические артефакты такого уровня нужно было обязательно упомянуть в анкете – но Канзабуро-сан ничего не указал. Из-за этого у него возникли бы сложности при отъезде, его могли не выпустить с его собственным хагоромо.

Да и зачем ему вообще рисковать, зачем тащить такое сокровище с собой? В университете толмачей учили, что теннинам вовсе не обязательно повсюду возить с собой семейные реликвии. Канзабуро-сан должен был знать, что никто не выдаст ему разрешение на полет в минском небе. Отправляясь в путь с артефактом, он ничего не обретал, зато потерять рисковал очень многое.

Или он хотел потерять? Может, он потому и не задекларировал хагоромо – он собирался отдать свое сокровище? Так это же немыслимо! Да и потом, теннин пропал, а его артефакт на месте, тут, даже без сейфа, висит себе в шкафу и все. Ничего в этой истории не сходится.

Плюс у обнаружения кимоно был только один: градстраж наконец прекратил ходить с видом принца в изгнании, он сообразил, что дело и правда может быть серьезным. Вот теперь Рада могла рассказать ему обо всех своих подозрениях, даже о тех, которые она никак не сумела бы доказать.

Пилигрим слушал ее внимательно, но догадаться, о чем он думает, она не могла. Может, он поверил ей. А может, просто счел дурой, которой лучше подыгрывать, чтобы она не сорвалась на истерику. В любом случае, он не ушел.

– Наверно, стоит допросить соседей, узнать, не приходил ли к нему кто-нибудь? – неуверенно предложила Рада.

– Бесполезно. Чужих запахов здесь нет, стабильны только три, исключая сегодняшних гостей. Нет, никто сюда не приходил, он один здесь хозяйничал. Но и благодаря этому можно получить подсказки, если повезет.

Получается, Пилигрим тоже чувствовал запахи – совсем как его начальник. Это намекало на его нечеловеческую природу, но сужало список вариантов не так сильно, как хотелось бы. Рада точно знала, что Дмитрий Усачев – цмок, все в ее семье это знали. Означает ли это, что Пилигрим тоже цмок? Вовсе не обязательно, в градстраже разные существа работают.

Опять же, не это было важно сейчас. Они разделились, чтобы побыстрее осмотреть огромную квартиру – слишком просторную для одинокого туриста.

В углу гостиной располагался рабочий стол, там стоял ноутбук – похоже, Канзабуро-сан не отвлекался от дел даже на отдыхе. Но выяснить, чем он занимался, не получилось, компьютер был предсказуемо защищен паролем. Рада сосредоточилась на аккуратных стопках бумаг, разложенных на столе – казалось, что теннин просто физически не был способен устроить бардак.

Часть бумаг оказалась вполне предсказуемой: пособия для иностранных туристов, таможенные документы, разрешение на временное проживание. А вот соседняя стопка была любопытной: Канзабуро-сан зачем-то хранил в своем доме рекламные листовки. Все эти брошюры, флаеры и купоны, которые раздают на улице или бросают в почтовый ящик. Причем все местные, из Японии он ничего не привез.

Нормальные люди эту макулатуру или используют для получения какой-нибудь скидки, или выкидывают. Но теннин прилежно собирал бесполезные бумажки, будто прежде рекламы не видел. Вряд ли это было каким-то редким помешательством, скорее, он хотел применить старую, простую, но надежную стратегию «прячь на виду». Поэтому Рада не проигнорировала стопку бумаг, начала внимательно просматривать одну за другой – и все-таки нашла подсказку.

– Петр! – позвала она.

Градстраж в гостиную пришел, но тут же поправил:

– Пилигрим. Мне так привычной.

– Учту. Ты знаешь, что это такое?

Она протянула ему листовку – яркую, блестящую, но ничем не выделяющуюся на общем фоне. По крайней мере, обыватель бы не понял, что в ней особенного. Градстражу полагалось заметить подвох, однако он лишь изумленно разглядывал листовку.

– «Музей драгоценных камней», – прочитал Пилигрим. – И что?

– А то, что нет в Минске никакого музея драгоценных камней. Ты что, не местный?

– Я из Витебска перевелся, Минск еще плохо знаю, – сухо указал он. – Остальное не важно.

– А что, есть и остальное?.. Ай, ладно, забей. Короче, такого музея нет, эти листовки специально распространяют среди иностранцев-нелюдей – в гостиницах и на съемных квартирах.

– Откуда распространители знают, где живут такие иностранцы?

– Ты думаешь, в отделе толмачей только святые работают? – усмехнулась Рада. – Да наши регулярно сливают базу данных рекламщикам! Естественно, за такое увольняют, но плата высока, и многие рискуют.

– Ты почему в курсе? Тоже рискуешь?

– Ну ты ж думай иногда, прежде чем решительно открыть рот, – укоризненно посоветовала она. – Минским отделом толмачей руководит моя мама, от нее и знаю. По этой же причине не участвую в таком. Но глупо отрицать происходящее только потому, что оно тебе не нравится. А теперь вернемся к музею, которого нет.

Рада огляделась по сторонам и быстро обнаружила свечи, стоящие на журнальном столике перед диваном. Конечно, в такой роскошной квартире должны быть свечи, куда же без них? Обязательно новые для каждого жильца, это правила хорошего тона.

Вот только свечи в квартире Канзабуро-сана были уже не новыми, фитили почернели. Получается, жилец их зажигал, и вряд ли для собственного удовольствия, теннины не любят огонь и не видят в нем никакой красоты. Причина могла быть только одна: он знал то же, что знала Рада.

Она взяла с подставки спички и зажгла одну из свечей, а потом поднесла к пламени листовку. При живом сиянии на листке проступили новые строки, укрытые между видимыми всем. Если бы их случайно обнаружил непосвященный, это ничего ему бы не дало: он решил бы, что наткнулся на водяные знаки, непонятно зачем нанесенные на обычную листовку. Однако нелюди сразу узнавали руны общего языка.

Узнал их и градстраж, его такому тоже обучали.

– Приглашение в подземную биржу, – указал он. – Любопытно – но не факт, что теннин как-то воспользовался этим или что это было ему интересно.

– Вообще-то, два намека на такой вариант есть. Первое – то, что он вообще хранил у себя именно эту листовку. Такие не бросают по одной, их обычно пачками притаскивают. Нужно же окупать базу данных, которую они у толмачей выкрали! Получается, он оставил только эту, а человеческой рекламы набрал, чтобы ее спрятать получше.

– Допустим, хотя так себе аргументация. Ну а второй намек какой?

– А второй намек вон там висит, – Рада кивнула на шкаф.

Этого было мало для пояснения, она ожидала, что рассказывать придется дольше, однако Пилигрим неожиданно все понял сразу.

– Ты считаешь, что он хотел продать хагоромо через подземную биржу? Этого же не может быть!

Версия на первый взгляд и правда казалась невероятной. Для теннина продать свой главный родовой артефакт – все равно что руку себе оторвать. Если он по какой-то причине на это решился, зачем ради такого ехать в Минск? На азиатских биржах за уникальный артефакт дали бы куда больше, в этом плане даже Москва была бы выгодней, но Канзабуро-сан прибыл сюда. Немыслимо, если у него не было какой-то особой причины предпочесть Минск. А вот если такая причина была, возможно все.

– По закону биржа уникальными артефактами не торгует, – признала Рада. – Там можно взять кредит магической энергии, найти общий амулет, оставить заявку на чары, такое вот... Но на самом деле возможно все. Опять же, он не задекларировал хагоромо при въезде, по документам этого артефакта вообще не существует, с ним можно делать что угодно.

– Но хагоромо здесь, а теннин – нет. Даже если он хотел что-то продать, он просто не успел.

– Да, но у нас не так уж много зацепок. Будем держаться за то, что есть.

– Поедем в подземную биржу? – уточнил Пилигрим. – Ты знаешь, где она находится?

– Знаю. А еще знаю, что сейчас туда соваться бесполезно. Там работают в основном ночные существа.

– Ну и что? Как раз же вечер!

– А то, что работают они по утрам, в такое время большие боссы развлекаются, там будут разве что администраторы.

– Ты уверена, что большие боссы станут с нами говорить?

– Не уверена. Но надеюсь, что твое присутствие как-то на это повлияет.

Раде не то что не хотелось соваться туда – ей попросту было страшно. Страшно, потому что подземная биржа была легальна лишь наполовину, и все это прекрасно знали, хотя никто о таком официально не говорил. Страшно, потому что она слабо представляла, какие существа там собраны на самом деле. Страшно, потому что Канзабуро-сан ведь пропал в итоге, а она даже не думала, что он может быть связан с чем-то настолько серьезным. Страшно, потому что она только-только закончила обучение, даже диплом еще не получила, она и с обычной работой еще не разобралась, а тут сразу – международный скандал!

Но придется переступить через страх и действовать, потому что по-другому уже никак, все остальные отмахнулись. И спасибо, что Пилигрим все-таки рядом – не важно, за какие грехи начальство направило его на это задание, он все равно остается градстражем. Перед ним откроются такие двери, к которым Раду и близко бы не подпустили.

– Когда займемся этим? – спросил Пилигрим.

– Давай встретимся завтра в десять возле спуска на «Купаловскую» – того, где памятная доска, возле «Центрального»...

– Да знаю я, где это, я не настолько не местный. Хорошо, буду там.

Он оставался рядом, пока Рада запирала квартиру – теперь, когда она знала, что внутри хагоромо, делать это нужно было особенно внимательно. Он прошел вместе с ней до выхода из подъезда, а уже во дворе покинул, не прощаясь.

Что ж, неприятно... Раде в какой-то момент показалось, что она в нем ошиблась, что он проявил искренний интерес и к этому делу, и к ней. Но ключевое слово тут все-таки «показалось».

Да, Пилигрим относится к делу серьезнее, чем Усачев, потому что получил заслуживающие внимания улики. Но не похоже, что он действительно беспокоится о Канзабуро-сане. С точки зрения градстража, теннин по-прежнему мог загулять по доброй воле, и с подземной биржей это никак не связано. Завтра японец вернется, счастливый и пьяный, и всем будет неловко.

Изменить его отношение Рада не могла, ей только и оставалось, что принять это. Ее собственная интуиция твердила, что она нашла на верный след, и это было куда важнее. Ну а Пилигрим... достаточно, если он останется рядом и не даст никому ее сожрать. Дружба от него и не требуется.

Время было не позднее, ранний июнь баловал теплом, но гулять Раде не хотелось. Даже при том, что улицы вечернего Минска были заполнены пестрыми толпами, витрины магазинов призывно манили огнями, а из кафе вырывалась музыка и волны ароматов, сладких и пряных. Раде сейчас казалось неправильным присоединяться к этому неспешному и непрекращающемуся празднику жизни.

Она все равно не смогла бы отвлечься, мысли возвращались к пропавшему теннину. А если так, зачем обманывать себя? Поэтому Рада поспешила домой – прыгнула в удачно подошедший троллейбус, который без пересадок мог отвезти ее в Кунцевщину. Тут можно было забиться в дальний угол, к самому окну, смотреть на улицы и думать о своем – о том, почему именно ей досталось вот такое, а не кому-то из других практикантов с ее курса, и что теперь с этим делать.

Ответ так и не придумался, просто настало время выходить – возле большой, как крепость, новостройки. Сюда пару лет назад перебрались ее родители, а с ними и Рада. Съезжать пока было неудобно, да и незачем – она ведь еще училась... А вот теперь обучение закончилось, нужно было думать о будущем, но после того, как она отыщет пропавшего теннина.

Когда она пришла, мама уже вернулась с работы, чуть раньше обычного, и готовила ужин, а отца пока не было.

– Рада, ты? – позвала она. – Иди сюда.

– Картошку чистить или снова отчитываться о том, как я гостей столицы теряю? – уточнила Рада.

Она осторожно заглянула на кухню, прикидывая, что ее ждет. Но мать не выглядела раздраженной – скорее, задумчивой и немного настороженной. На работе Ирина Федоровна оставалась эталонным начальником – таким, который немногим эмоциональней робота. Однако здесь, на кухне, без косметики, в плюшевом спортивном костюме, она уже не выглядела столь грозной, да и скрыть свои чувства не пыталась.

Это вовсе не означало, что она вмиг становилась слабой и безобидной. В их семье именно мать была носителем нечеловеческой крови – потомком ведьмы, даже при том, что к нынешнему поколению от магических сил предков у них ничего не осталось. Но ведь наследие от этого не испаряется, не уходит в никуда, все равно сохраняется память, за которую нужно держаться. Ирина и держалась – продолжая традицию работы толмачом.

Отец об этом знал, просто связываться не хотел. Теперь мама собиралась обсудить что-то до того, как он вернется с работы. При нем и она, и Рада делали вид, что мир населен исключительно людьми.

– Не говори глупостей, ты никого не потеряла, – устало вздохнула Ирина. – Толмачи не должны носиться с каждым гостем, нас на это просто не хватит. Наша работа – встретить их, заселить, каждый день связываться с ними, а потом проследить, чтобы они благополучно уехали. Ты не виновата в том, что случилось с Ито Канзабуро. Ты забила тревогу до того, как это сделал бы кто-либо из нас.

– Но ведь это в итоге не помогло, правда?

– Рада, не бери на себя ответственность за все на свете, это типичная ошибка новичка. Мир – он... Иногда он просто вот такой, и мы не в силах это изменить. Я не исключаю, что с этим теннином могло произойти что-то нехорошее. Но что бы с ним ни случилось, это точно не твоя вина. Я еще раз обдумала все твои действия и не нашла ни одной ошибки.

– Эм... спасибо, конечно, но почему об этом снова зашла речь? – насторожилась Рада. – Мне казалось, что мы все обсудили...

– Я бы не хотела, чтобы ты занималась этим. Не ищи его, солнце, это может быть очень опасно.

– Так ведь и градстража не будет искать, если я не буду!

– Будет через неделю, – указала Ирина. – Выжди эту неделю, никто тебя не осудит.

– Я себя осужу, – покачала головой Рада. – Мам, как будто ты меня не знаешь.

– Знаю... Раньше мне казалось, что такой ответственный подход – это исключительно хорошая черта.

– Я думала, мы еще днем все решили! Усачев, кстати, послал ко мне градстража, ты не думай, что он слился, так что поводов переживать за меня нет.

– В том-то и дело, что есть. Я навела справки по тому градстражу, которого он к тебе прислал.

– Откуда ты вообще знаешь, кого он назначил? – поразились Рада. – Или он сам тебе отчитался?

– Дима, к сожалению, никогда и ни перед кем не отчитывается. Ему, должно быть, кажется, что ему это мужественности прибавит. А мне из-за его капризов приходится идти на немислимые ухищрения, чтобы выяснить, с кем остается наедине моя дочь. Мне Диминого «да нормальный он парень» оказалось недостаточно, пришлось задавать вопросы другим людям.

– И? Если ты начала говорить таким таинственным тоном, какое-нибудь страшное «и» обязательно последует.

– И этот нормальный парень оказался не таким уж нормальным, – признала Ирина. – Меня сразу поразило то, что Дима приставил к тебе действующего бойца, такими не разбираются, а важным он это дело точно не посчитал. Но все оказалось просто и плохо: этот тип отстранен от службы.

Судя по многозначительному взгляду, Ирина ожидала от дочери возмущения или испуганного шока. Только это она зря.

– Да, я догадывалась, – кивнула Рада. – Его туда резко метнули со службы, а он пришел в гражданском, без формы или каких-либо опознавательных знаков. Я подумала, что он может быть в отпуске.

– Только он не в отпуске. Этот Петр Якунин, кем бы он ни был, обвиняется в должностном преступлении. На тот период, пока идет расследование, он отстранен от службы, отсюда и свободное время.

– Усачев должен знать, что делает, – предположила Рада, но уверенности ей сейчас остро не хватало.

– Дима-то? Дима порой слишком беспечен. Я не знаю, какое именно преступление совершил твой новый знакомый, но мне сказали, что разбирательство там очень серьезное. Не факт, что ему вообще позволят вернуться на службу. Рада, солнце, я понимаю, что ты ответственная

и волнуешься за того теннина. Но рядом с тобой оказался уголовник! Откажись ты от поисков, прошу тебя – пока не стало слишком поздно...

Глава 2. Кладник своего не упустит

«И все золото мира принадлежит им, камни драгоценные, ткани заморские. Но нет никого несчастней кладника».

«Встречи на лесных дорогах», путевые записки XII века, издание современное, адаптированное.

Соль с мягким шелестом сыпалась из пакета на пол, она будто мерцала во тьме, очерчивая широкую белую полосу. Можно было включить свет, и стало бы проще, но Пилигрим не хотел. Потому что свет позволил бы ему рассмотреть себя в большом зеркале, заставил бы признать, кем он стал. А этого Пилигриму как раз не хотелось, он предпочитал держаться за свою версию правды.

Закончив, он выпрямился и огляделся по сторонам. Соль теперь была повсюду – у дверей, на окнах, и неподготовленный наблюдатель наверняка удивился бы такому расточительству. Не было ни одной разумной причины, способной объяснить все эти килограммы соли на полу! Но гости к нему и не ходили, а о проверке его предупреждали заранее, и Пилигрим успевал все убрать.

Он даже сейчас не был до конца уверен, что эта мера действительно необходима, но решил подстраховаться. Чуть посомневавшись, он еще и зеркало завесил пледом. Просто на всякий случай. Он почти убедил себя, что держаться до утра вроде как стало легче.

Закончив приготовления, он заперся в единственной комнате. Окно было завешено плотными шторами, на подоконнике, конечно же, искрилась соль. Пилигрим снимал угловую квартиру на втором этаже двухэтажного дома старой постройки. Звукоизоляция здесь и без того была отличная, а рядом с ним еще и жили глуховатые старики. Так что, если вдруг что случится, его хотя бы не услышат...

Но ничего не случится. Не должно.

Он устроился на узкой кровати, застеленной только старым матрасом и простыней, прикрыл глаза. Пилигрим прикидывал, что его ждет, когда мучительно долгая ночь все-таки закончится и настанет утро. Нужно будет идти в подzemелье, и это не очень хорошо, но в десять утра можно, это легкое время, когда он полностью себя контролирует.

Это задание стало куда более важным, чем он ожидал. Он-то считал, что Усачев просто хочет избавиться от него до суда! Возможно, изначально так и было, а теперь добавились новые детали, и то, что казалось загулом богатого туриста, постепенно превращалось в преступление. Для Пилигрима это был шанс проявить себя, доказать, что он еще в порядке, не срывается, он может остаться в строю... Ну а если он все провалит, то и суд не понадобится.

Он бы предпочел все сделать один, однако он не видел ни шанса избавиться от девчонки. Она была слабой, худенькая такая, тоненькая, призрачная какая-то с этими своими льняными волосами и голубыми глазами. Если станет жарко, она будет путаться под ногами, видно же, что драться не обучена.

Но и обойтись без нее нельзя, иначе он далеко не продвинется. Пилигрим знал только местную нечисть, ту, за которой полагалось следить градстражам. В иноземных существах он разбирался плохо. Да и потом, к Минску он все еще не привык, город казался ему чужим и непонятным. Поэтому, как ни крути, они с девицей были нужны друг другу, просто Пилигрим понимал, что на кону, а она – нет.

Полночь прошла спокойно, он ее даже не заметил. Он почти расслабился, решил, что дело и правда движется к лучшему... А часа в два его накрыло. Трясло в ознобе, кожа покрывалась тонкой пленкой испарины, мышцы болели так, будто по нему каток проехался. Пилигрим

хотел кое-как доползти до кухни и сделать успокаивающий отвар, но не смог даже подняться с кровати. Ему только и оставалось, что лежать, сжавшись, и ждать, когда это закончится.

Он и сам не заметил, как отключился, провалился в крепкий тяжелый сон без сновидений. Проснулся только с рассветом и тут же подскочил на кровати, испуганно оглядываясь по сторонам. Чувствовал он себя прекрасно, но это не означало, что обошлось без беды. Пилигрим напряженно разглядывал соль, пытаясь понять, остались ли на ней следы, смотрел на свои руки и ноги в поисках ожогов.

Ничего. Эта ночь все-таки оказалась мирной. Ему оставалось лишь переживать ночи одну за другой, наполняя будущее слепым оптимизмом.

Пилигрим кое-как привел себя в порядок, стараясь не заглядывать в зеркало без острой необходимости. Он пока еще не привык к чужим глазам, смотревшим на него из отражения. Зато из дома он выходил уже собранным и уверенным, о том, что творилось с ним ночью, никто не догадался бы.

Сегодня было даже теплее, чем вчера, и ему хотелось ограничиться майкой и светлыми джинсами. Но нож нужно было где-то прятать, а без ножа он теперь из дома не выходил, так что пришлось накинуть куртку. Когда жара разгорится над городом еще сильнее, это станет проблемой, и следующей ночью во время очередного приступа бессонницы ему все-таки предстояло подумать о ноже.

А вот его новую знакомую никакие ограничения не сдерживали. Она явилась на встречу в широкой синей юбке чуть ниже колена, белоснежной майке с забавным рисунком и белых же кроссовках. В таком наряде она, почти не пользовавшаяся косметикой, смотрелась даже младше, чем вчера. Зря она так, конечно, не лучший вариант для подземной биржи, но не отправлять же ее переодеваться и краситься!

Хотя, если не думать о задании, Пилигрим вынужден был признать, что ему нравилось, как она выглядит. На нее хотелось смотреть. Когда она улыбнулась ему, здороваясь, он глубоко вдохнул воздух рядом с ней, чтобы получше запомнить ее запах. От нее пахло полевыми цветами, это он заметил еще вчера. Свежесть синего василька, легкая горечь ромашки, глубокая обволакивающая сладость розового клевера. Не духи даже, а естественный запах ее кожи. Пригодится, если однажды придется ее искать.

К тому, что запахи теперь имеют значение в его мире, Пилигрим тоже привык не до конца.

– Ты знаешь, куда мы идем? – спросил он.

– Знаю, – кивнула Рада. – Сама я там ни разу не была, но про такие места толмачам рассказывают.

– Тогда веди.

В десять утра в метро наступало временное затишье между утренним и обеденным часами пик. Это по-своему нравилось Пилигриму: большие скопления людей его теперь нервировали. Однако он вынужден был признать, что для перехода в тайное укрытие нечисти это время не слишком подходит, их легко заметить.

А вот Рада таких сомнений не испытывала. Она уверенно спустилась вниз по мраморной лестнице и направилась на станцию метро. Пилигрим не отступал от нее ни на шаг и старался думать только о ней, потому что метро он не любил. Тут сразу все плохо: подземелье, звуки, запахи... Добровольно он сюда не совался, но ради задания мог и потерпеть.

Они миновали турникеты и оказались на площадке между двумя линиями метро. Теперь Пилигриму было любопытно, куда направится Рада: на янтарную «Октябрьскую» или светло-зеленую «Купаловскую»?

Но оказалось, что был еще и третий вариант. Рада прошла мимо лестницы, ведущей к станции «Купаловская», и свернула направо, к странного вида тупику, упиравшемуся во вроде как заблокированные двери. Тупик этот был у всех на виду, равно как и двери. Пилигриму

казалось, что не может быть так просто, тут же повсюду камеры! Однако Рада без лишних сомнений открыла дверь, казавшуюся неподвижной. Ее спутнику только и оставалось, что не отставать, сам он такой уверенностью похвастаться не мог.

Они оказались перед сложным переплетением коридоров, куда более узких, чем роскошные залы метро. Свет здесь давали только неяркие рыжие лампы, Пилигрим понятия не имел, в какую сторону двигаться. Да и Рада замедлилась, но ненадолго. Потом она будто вспомнила что-то и уверенно выбрала крайний левый коридор.

Коридор был откровенно унылый, и Пилигрим никак не мог избавиться ощущения, что они тягнутся по каким-то техническим помещениям. Сейчас встретят зрителя и нарвутся на скандал, вот и все, чем это закончится. Ну какая тут может быть подземная биржа?

Однако чем дальше они продвигались, тем больше новых звуков улавливал его обостренный слух. Это уже был не гул толпы и грохот поездов, а нечто новое, для метро не подходящее. Стрекот, рычание, цокот копыт по металлическому полу. Шум каких-то машин. Разговоры на десятках языков. Да еще запахи эти, такие разные – горящее дерево, полынь, сырая земля... Впереди точно была нечисть, Пилигрим уже не сомневался.

Коридор привел их к массивной металлической двери, которая открылась на удивление легко. А за дверью скрывался круглый зал, большой, как станция метро. Там были установлены десятки, если не сотни рабочих столов с компьютерами, места, за которыми шли переговоры. Кто-то что-то скупал, кто-то торговался, казалось, что вот-вот начнется драка, но никакой драки не было. Некоторые из местных по привычке притворялись людьми, другие же без стеснения приняли свое истинное обличье. И вот уже у столов прохаживались массивные живые бревна, полулюди-полусвины, невнятные, почти бесформенные грязевые фигуры... да много кто.

Среди них Рада и Пилигрим легко затерялись, особого внимания они не привлекали. Рада – потому что была обычной донельзя, эталонный человек без единой подозрительной черты. Пилигрим – потому что нечеловеческих черт у него как раз хватало, опытные взгляды это подмечали. Тут мало кто верил, что он красит волосы или носит цветные линзы. Всю правду о нем они угадать не могли, потому что правда эта была слишком уникальной, но убеждались, что он «свой». Им этого было достаточно.

– Должен сказать, я впечатлен, – признал Пилигрим. – Я до последнего не верил, что ты приведешь нас сюда.

– Ага, по тебе видно.

– Извиняться я не буду. Я вообще не извиняюсь.

– И это тоже видно, – улыбнулась Рада.

От ее улыбки почему-то стало неловко, и он поспешил сменить тему:

– Что будем делать дальше?

– Действовать по старинке будем, что нам остается? – Рада достала из сумки фотографию пропавшего туриста. – Ищем тех, кто его видел. Нам нужно понять, зачем он сюда явился... Или даже не так: добрался он сюда или нет?

Пилигрим впервые увидел того, кого им предстояло найти. Забавно даже, но вчера ему было не до этого. Теперь же он мог разглядеть Ито Канзабуро и должен был признать, что свою нечеловеческую природу теннин скрывал хорошо. Со снимка смотрел самый обычный японец, не слишком молодой, тощенький, с грустными глазами оленя, на которого уже направлено ружье. Он будто готовился стать жертвой...

Но такие размышления никак не помогали его найти. Пилигрим позволил Раде задавать вопросы, у нее это получалось лучше, она всем нравилась, с ней легко шли на контакт. Он же оставался за ее спиной неслышной тенью, которая отбивала у нелюдей желание приставать к красивой девушке с глупостями. Здесь не знали, какими силами обладает Пилигрим,

но инстинктивно чувствовали угрозу рядом с ним и не нарывались. Ну а то, что эта угроза распространялась и на него, их не касалось.

Первое время им не везло. Все куда-то спешили, занимались своими делами, сотрудникам биржи даже на фотографию смотреть не хотелось. Пилигрим начал подозревать, что все пропало, когда молодая кикимора с удивительно длинными кислотно-розовыми ногтями наконец перехватила фотографию, чтобы рассмотреть поближе.

– Да, он тут был, – кивнула она. От нее резко пахло белой лилией, которой она пыталась заглушить свой родной запах болотной воды. – Я его запомнила, потому что он выглядел жутко несчастным. Его никто не обижал, вы не подумайте! Просто есть и среди нечисти такие, кому в подземельях тяжело.

– Он элементарь воздуха, – подтвердила Рада.

– Да, я о чем-то таком сразу и подумала. Такие, как он, приходят, только если им очень-очень надо, им тут не в кайф.

– Чего он хотел? Продать что-то?

– Почему – продать? – удивилась кикимора. – Нет, это вообще не в нашем секторе, продают вон там, у правой стены. А мы займами занимаемся, некоторые – исполнением желаний с отсроченной платой.

– Занятно... Ему нужно было это?

– Он искал кое-кого конкретного.

– Кого?

До этого кикимора беседовала с ними свободно, чувствовалось, что она болтлива и ей льстит внимание. Но вот теперь, когда она вспомнила, к кому приходил одинокий японец, уверенности у нее поубавилось. Однако и напуганной она не выглядела, просто прикусила губу, размышляя о чем-то.

Заметив ее нерешительность, Рада достала из сумки удостоверение и показала кикиморе.

– Мы не из градстражи, – заверила она. – Я толмач, а тот, кого мы ищем, мой подопечный. Я очень хочу его найти, но я никому здесь не смогу доставить неприятности, даже если попытаюсь. Просто он пропал, и я за него волнуюсь.

– А это кто? – Кикимора с подозрением покосилась на Пилигрима.

– Это просто мой парень, – отмахнулась Рада. – Личное одолжение, так сказать. Мне раньше не доводилось приходить в подземную биржу, одной как-то страшно, и я уговорила его пойти со мной.

Поначалу весь этот импровизированный спектакль возмутил Пилигрима. Зачем говорить, будто они не из градстражи, если он из градстражи и очень даже может заставить кикимору сотрудничать? Но до него быстро дошло: тот, с кем встречался теннин, вполне может заниматься не только законными делами. Кикимора его не боится и не жалеет, однако не хочет ссориться. Она вряд ли рискнула бы подставить его перед градстражей.

Но вот толмачи ее не пугали, они вообще никого не пугали.

– Он ходил тут, совсем как вы сейчас, и искал кладника, – наконец сообщила она. – Я его запомнила, потому что он бедненький такой, потерянный был...

– Он любого кладника искал? – мягко перебила ее Рада.

– Нет, Марьяна... не знаю, какие у них дела были, но Марьян его принял у себя. Он же у нас важный, со своим кабинетом! – Кикимора кивнула на череду деревянных дверей вдоль дальней стены. – Только вы ничего плохого не подумайте! Марьян его принял, они поговорили, и этот смешной человечек сам ушел.

– Долго говорили? – уточнил Пилигрим.

– Не знаю, я не засекала, час где-то... Точно не скажу. Но я видела, как он уходил, потому что я тогда за чаем ходила. Он нормальный был, не избитый ничем, просто такой же грустный. Или даже более грустный, чем раньше, я не знаю, по нему сказать сложно.

– Понятно, спасибо... А Марьян сейчас у себя?

– Нет, – покачала головой кикимора, и зеленые волосы тут же заволновались у остренькой звериной мордашки. – Он только по пятницам тут появляется. В остальные дни он в банке своем сидит, где-то недалеко тут, на Комсомольской, кажется, но точно я не уверена, это надо проверять... Если вы толмачи, вы проверить сможете!

– Проверим, – подтвердила Рада. – Мой подопечный тут только один раз был? Больше не приходил?

– Ну, лично я только один раз видела.

– Спасибо!

Пилигрим прекрасно понимал, что кикимора могла и соврать им – и что, скорее всего, не соврала. Зачем ей? Она даже не знала, что произошло серьезное преступление.

Причин оставаться в подземной бирже у них не осталось, и Пилигрим был рад, что они ушли: от урагана запахов и звуков у него начинала кружиться голова. Пока они двигались обратно к метро по полутемному коридору, он пытался вспомнить все, что было ему известно о кладниках.

Эти-то местные, в отличие от теннинов, хотя и немногочисленные. Но их никогда много не было, даже в лучшие для них годы – а это пару веков назад. Тогда кладники вообще королями ходили. Притворяясь людьми, они мигом становились богатейшими жителями городов и деревень. А все потому, что чувствовали, где клады зарыты, золото и серебро находили без труда, драгоценные камни собирали, как иные собирают грибы.

Но был там и какой-то подвох, серьезный подвох... Пилигрим не мог вспомнить, какой именно, однако в памяти четко отложилось, что кладники оставались несчастны, а все их непостижимые богатства были призваны это несчастье лишь уменьшить – насколько возможно. Что же там было?.. Пилигрим впервые пожалел, что проигнорировал большую часть лекций об истории нечисти.

К его немалому облегчению, в метро они не задержались, Раде и самой не хотелось привлекать внимание. Они поднялись по другой лестнице, а потом по наземному переходу перешли дорогу и оказались в Александровском сквере.

Там в июне было на удивление красиво. Деревья, древние, поднимавшиеся к самому небу, дышали свежей зеленью. Чуть позже, где-то к концу июля, ее побьет жара, многие листья сохнут, и красота чуть померкнет – хотя и не увянет полностью до поздней осени. Но сегодня исполины снова были молодыми, они давали тень и прохладу, словно приглашая в гости тех, кто устал от городской суеты.

Здесь Пилигриму как раз нравилось: меньше шума, чище воздух. Он наслаждался красотой сквера, так приятно похожего на родные ему леса. Рада же по сторонам не смотрела, она уткнулась в планшет, разыскивая что-то среди скучных длинных текстов.

Они прошли по аллее и устроились на одной из лавок с высокими изогнутыми спинками, у самого фонтана. Вода взлетала в воздух и искрилась в солнечных лучах. За стеной деревьев кремовым пирожным проглядывало здание театра. Время в Александровском сквере застыло и давно уже никуда не спешило.

Это умиротворение исцеляло Пилигрима. Он чувствовал, что в подземной бирже та часть его, которую он не любил и опасался, напряглась. Еще бы, там для нее охотничья территория! А здесь только покой, и человек вновь брал верх над зверем...

– Нашла! – торжественно объявила Рада.

– Что ты там уже нашла? Ты так и не объяснила, зачем тебе срочно понадобились соцсети.

– А это не соцсети, это внутренняя база данных толмачей.

Пилигрим прекрасно знал, что толмачи следят не только за приезжей нечистью. Им полагось знать обо всех нелюдях, селившихся в городе – а нелюди, в свою очередь, должны были подавать сведения добровольно, чтобы не нарваться на проблемы с градстражей.

У градстражи была такая же база данных, и Пилигрим мог бы заглянуть туда, но ему сейчас хотелось смотреть не на экран, а на вековые деревья.

– Ты нашла этого кладника? – догадался он.

– Ага, с таким именем, как у него, это несложно. Кладников вообще в Минске мало, меньше десяти, и Марьян среди них только один. Полностью это чудо зовется Марьян Охримовский, под этим именем и живет в мире людей. Работает директором банка, вполне стандартное прикрытие для кладника.

– Преступления когда-нибудь совершал?

– Не привлекался, – уклончиво ответила Рада. – Но ты же знаешь: есть разница между «не совершал» и «не доказали». Любопытно другое... Среди тех подозрений, с которыми связан Марьян, никогда не было нелегальной торговли артефактами. Так что почему Канзабуро-сан искал именно его – непонятно.

– Но мы ведь и не уверены, что теннин хотел продать артефакт, это больше твоя идея. В чем подозревали кладника?

– В том, в чем обычно подозревают кладников – в нелегальном исполнении желаний.

И тут Пилигрим наконец вспомнил подвох, связанный с этим видом нечисти. Кладники испытывали постоянный голод. И никакое количество еды не могло его заглушить, он кружил над ними днем и ночью, как стервятник. Этот голод лишал их возможности радоваться всем своим богатствам, всей власти, что им доставалась. У них все было – а несчастье все равно отказывалось их покидать.

Единственным, что могло приглушить этот жуткий голод, была энергия чужой души. А чтобы ее получить, кладник заключал сделку с человеком – дарил богатство, взамен же получал чужую радость, которая делала его собственное существование чуть лучше.

Легенда гласила, что был лишь один способ полностью заглушить голод: для этого кладнику полагалось отказаться ото всех своих богатств. Но ни один кладник так и не решился проверить, правда это или нет. Всем им почему-то казалось, что без золота жизнь уж точно не мила.

Еще в двадцатом веке кладникам запретили заключать контракты с людьми. Но отказаться от чужого счастья не так-то просто, и где-то в тени желания все равно исполнялись. Наименее удачливых кладников ловила за такое градстража. Те, кто поумнее да поопытнее, оставались под подозрением, а наказание так и не получали.

Марьян Охримовский был из второй категории. Слухи о том, что он похищает энергию души сразу у нескольких людей, ходили давно. Но за руку его никто не ловил, а доказать такую магию было невозможно.

– Он не будет с нами говорить, – указал Пилигрим, просматривая личное дело Охримовского. – Ни с тобой как с толмачом, ни со мной как с градстражем. Зачем ему это?

– Чтобы избежать проблем с законом?

– Он и так их годами избегает – совершая преступления.

– Ну, это как раз не доказано...

– Вот потому и не доказано.

– Все равно нужно пробовать, – настаивала Рада. – Если он не причастен к исчезновению Канзабуро-сана, ему выгодно поговорить с нами, чтобы выйти из круга подозреваемых.

Пилигрим считал такой аргумент сомнительным, потому что для кладников слово «выгода» имело совсем другое значение. Но спорить он не стал, начать действительно следовало с вежливого разговора.

Банк располагался неподалеку от Александровского сквера и подземной биржи, тут кикимора не ошиблась. Они добрались туда за пять минут и скоро стояли перед старым зданием, затерянным на узкой улочке. Здесь, в центре, Минск был особенным: он казался куда старше собственного возраста, он будто сошел с древних гравюр. Все эти дома в пастельной

штукатурке, камни на мостовой, кованые указатели и ограды... Их не портило даже соседство неоновых витрин и грубоватой рекламы. Привет из прошлого, просто понятный не всем.

Банк тоже сделался незаметным. В последнее время такие заведения предпочитали окружать стеклом и бетоном, современными технологиями, зеркалами, мониторами... Здесь это стало бы неуместным. Новая реальность потеснилась, смиренно обживаясь в старой архитектуре.

Тут все было обустроено в первую очередь для людей, как и весь город. Да и большинство сотрудников наверняка были людьми, не подозревавшими, кто ими управляет. Однако Пилигрим не сомневался, что и нечисти здесь хватает на всех уровнях, подобное тянется к подобному.

Они вошли через главный вход, миновали тесный холл и свернули в общий зал, намереваясь узнать, нет ли легальной возможности увидеться с начальством.

Однако в общем зале сейчас было не до них. Внимание сотрудников и других клиентов оказалось приковано к мужчине лет шестидесяти, скандалившему у кассы. Мужчина был высокий, тощий и морщинистый, как индюшачья шея, хотя морщины эти были скорее мимическими, а не возрастными. Казалось, что сначала этого мужчину надули до предела, потом он постепенно сдувался и теперь стал похож на старый воздушный шарик, потускневший и пожеванный. Зато ни о какой немоции и речи не шло, скандалил он со всем жаром юности, то и дело откидывая с лица длинные выющиеся волосы.

– Не надо мне заговаривать зубы! – вещал мужчина, и его голос эхом разлетался под сводами старого здания. – Я требую почитать устав! Мне нужна вся информация о сотрудниках, включая санитарные книжки! У вас есть санитарные книжки? У вас должны быть санитарные книжки, вы работаете с людьми!

– Его тут только не хватало, – пробурчала себе под нос Рада. – Как не вовремя! Хотя он всегда не вовремя.

– Ты его знаешь? – удивился Пилигрим.

– Ага. Это Валерий Боч, он из комитета гражданского содействия – или как там они правильно называются? Все время забываю.

Пилигрим тоже не помнил, как именно они называются, но понимал, о ком речь. С нечистью работали многие люди – всегда так было. А еще некоторые люди знали о существовании нечисти, но к сотрудничеству были совершенно не приспособлены. Они рвались помочь, а толку от них не было, как ни крути. И вот такие люди сформировали тот самый комитет, точное название которого не могла вспомнить Рада, да и никто его не помнил.

Официальной организацией они считаться не могли, скорее, клубом по интересам. Они сами себе придумывали задания, сами их выполняли. Градстраже полагалось следить, чтобы они не нарывались слишком уж сильно, но в целом их не драконить.

– Что он здесь делает? – поразился Пилигрим.

– Скорее всего, хочет почувствовать себя главным и покопаться в документах. Это в его мире. По факту же он просто всем мешает.

Валерий Боч определенно не считал себя помехой. Он хотел проверить, насколько чистые у здешних сотрудников документы, привиты ли эти люди, прошли ли необходимую подготовку. Он чувствовал себя борцом, чуть ли не революционером. Сотрудники-люди считали его городским сумасшедшим. Сотрудники-нечисть опасались, что дед увлечется слишком сильно и попросту их выдаст.

Мирные переговоры завершились, когда Валерий попытался перебраться на другую сторону защитной пластиковой стенки. Отверстие было совсем небольшим, но борца за справедливость это почему-то не смущало. Он сумел засунуть туда руку, зацепился волосами и безнадёжно застрял.

Клиенты теперь уходили из зала, охрана, напротив, спешила к кассе. Началась раздражающая суета, и от нее инстинкты, которые Пилигрим с таким трудом заглушил, вновь проснулись. Ему пришлось отойти в сторону, закрыть глаза, сделать несколько глубоких вдохов. Нельзя поддаваться. Нельзя позволять той сущности контролировать его. Иначе ему не только в градстраже, ему на свободе не место!

У него получилось, контроль вернулся. Пилигрим даже опрометчиво решил, что все обошлось – а потом огляделся по сторонам и не увидел рядом с собой Раду. Они не то что разминулись, ее просто не было.

Нигде.

Так не могло случиться! В банке не было реальной опасности, просто истеричный дед устроил панику. Но куда тогда исчезла Рада? Она не решилась бы взять и покинуть своего спутника, совсем не в ее духе.

А они ведь так и не оценили толком опасность этого расследования... Что, если за ними следили с самого начала? Что, если он, Пилигрим, этого банально не заметил? Он мог обмануть кого угодно, но сам-то он знал, что с его способностями пока большие проблемы. Однако он не думал, что все настолько серьезно... или что пострадать может кто-то другой.

Он не собирался отступать. Да, в какой-то момент паника появилась, кольнула иглой. Но Пилигрим быстро подавил ее в себе, он оставался градстражем и готов был действовать.

Начал он с простого: опросил сотрудников банка, не видели ли они его спутницу. Они все это отрицали, но Пилигрим чувствовал, что некоторые отвечали честно, а некоторые откровенно врали. Получается, Раду забрали не неведомые враги, а охрана банка – явно по приказу кладника, иначе и быть не может. Но зачем ему это?

Тут уже мирные вопросы помочь не могли, однако и начинать драку Пилигрим не спешил, иначе его просто вышвырнули бы на улицу, как Валерия Боча. Он сделал вид, что уходит, а сам остановился в коридоре и глубоко вдохнул воздух, стараясь найти знакомый запах.

Полевые цветы – нужно думать только о них. Василек, ромашка, розовый клевер. Да, раньше все это ничего не значило для Пилигрима. Но он стал другим, и запахи превратились в точно такой же источник информации, как звуки или изображения.

Он нашел ее. Не сразу, но быстро – Пилигрим даже не ожидал, что так получится. Похоже, та новая часть его, которую он побаивался, не была врагом, не до конца так точно. Иногда она работала против него, а иногда приходила на помощь, как сейчас.

Рада все еще оставалась в здании, уже хорошо – могли ведь выволочь через черный ход и увезти куда-нибудь. Но если она рядом, он найдет, это без вариантов. Пилигрим двинулся в противоположную от общего зала сторону, туда, где располагались пронумерованные двери.

Естественно, соваться туда ему не полагалось. Сначала его пыталась остановить бурно возмущающаяся женщина средних лет. Она кричала, махала руками и этим поразительно напоминала курицу. Она грозила охраной. Пилигрим предпочел вообще не отвечать ей, он чувствовал: она его побаивается. Она потом куда-то убежала, ей сложно было смотреть в его измененные глаза.

Куда более серьезным препятствием стала дверь с кодовым замком, преграждавшая путь в самую важную часть служебных помещений. У Пилигрима не было ни одного законного способа открыть ее прямо сейчас, а действовать требовалось быстро, потому что запах полевых цветов исчезал за дверью. Значит, законом можно было пренебречь – на свой страх и риск.

Пилигрим постарался успокоиться, сосредоточивая все свое внимание на новой силе. На суде его не похвалят за такое... Но это все равно не так страшно, как потерять Раду. Поэтому силу он все-таки использовал, ударил один раз – и этого оказалось достаточно, чтобы кодовый замок вместе с куском двери улетел куда-то вглубь коридора. Интересно, были ли здесь камеры? Не важно. Кладник сам совершил преступление, он не рискнет опубликовать запись.

Когда дверь открылась, аромат полевых цветов вернулся с новой силой. Следуя за ним, Пилигрим оказался у просторного кабинета.

Он сразу почувствовал, что внутри сейчас четверо, и убедился в этом, когда открыл дверь. За письменным столом развалился кладник. На стуле сжалась взлохмаченная, но скорее злая, чем испуганная Рада. Над ней стояли двое рослых охранников.

Охранники напали сразу, не дожидаясь приказа своего босса. Видно, так у них было заведено: кладник же умный, он всегда мог сказать, что это была их инициатива, он тут ни при чем. Они даже не поинтересовались, на кого напали, не дали Пилигриму объявить, что он из градстражи, это тоже помогло бы им на суде.

Ему было все равно... Нет, не так. Он был даже рад, что они напали. Пилигрим чувствовал: та часть его, которая помогла так быстро найти Раду, рвалась на свободу, требовала платы. Если бы она осталась глухой злостью в его груди, ни к чему хорошему это не привело бы. Охранники, сами того не желая, дали ему отличный способ выпустить гнев.

Хотя они понятия не имели, что помогают ему. Они были намного выше и крупнее, определенно из нечисти, пусть даже непонятно, какой. По сравнению с ними Пилигрим казался обычным мальчишкой, вот они и надеялись его избить и швырнуть в какой-нибудь мусорный бак.

Их проблема заключалась в том, что наивным мальчишкой он как раз не был. В градстраже его учили драться – и он был одним из лучших даже тогда, когда оставался прежним. Теперь же он стал новым, и это тоже помогало. Он обошелся своими силами, не достал нож, для ножа пока не пришло время.

Первый охранник попытался сгрести его массивными ручищами, как медведь. Пилигрим без труда увернулся и оттолкнул гиганта с такой силой, что тот ударился о стену, оставил трещину на штукатурке и повалился на пол. Его напарника это должно было хоть чему-то научить, да не срослось, он рванулся вперед с такой же наглостью. Пилигрим перехватил его руку при попытке удара, вывернул, заставил охранника замереть – потому что следующее движение могло выбить плечевой сустав.

– Угомонились? – холодно поинтересовался Пилигрим. – Теперь могу порадовать: вы напали на сотрудника градстражи при исполнении. Наказывается это заключением на срок до пяти лет, или обращением в камень на тот же срок, или лишением магических способностей, или превращением в гусей. Сюрприз.

Охранники хмуро переглянулись, но оправдаться не попытались. Зато Марьян решил, что наблюдал он достаточно долго, пора бы проявить себя.

– Но мы же не знали! – всплеснул руками он. – Как можно винить за незнание?!

Кладник представлял собой довольно любопытное зрелище – настолько, что, разглядывая его, несложно было позабыть обо всем вокруг. Он оставался в человеческом обличье, но даже так он был огромен. Он занимал все широкое кресло и растекался за его пределы. Он был шаром – с широкой шеей, короткими пухлыми руками и ногами. Его щеки оказались настолько большими, что свисали почти до плеч. Где-то между тугими сферами этих щек и складками лба скрывались крохотные глазки. Курносый нос подозрительно напоминал пяточек, хотя вряд ли кто-то осмеливался сказать об этом уважаемому банкиру. Волосы светло-русого цвета оказались совсем реденькими, между ними проглядывала плешь. Кожа кладника сально блестела, сколько бы он ни протирал ее платком.

Его нечеловеческое происхождение не имело к такой примечательной внешности никакого отношения – не напрямую так точно. Просто Марьян все время ел. Мусорная корзина в его кабинете была с горкой завалена ведерками от куриных крылышек, упаковкой от гамбургеров, коробками из-под пирожных. Даже сейчас перед ним на тарелке лежал надкушенный бутерброд, от которого его, очевидно, отвлекло появление Рады.

Пилигрим разглядывал его с изумлением, а вот Рада насмотреться уже успела, она ответила:

– Вас можно винить в первую очередь за то, что меня похитили!

– Кто вас похитил, я вас похитил?! – возмутился Марьян с таким видом, будто ему только что плюнули в лицо и растерли блинчиком.

– Вот эти ваши, – Рада указала на охранников.

– Я их не просил!

– Я только что требовала меня отпустить, а мне даже со стула встать не дали!

– Так разве ж я что-то сказал? Кто вас удерживал, я или они?

– Вы не приказали им меня отпустить!

– Они бы не послушали. Вы видели, какие они огромные? Я их боюсь!

– Так, достаточно, – опомнился Пилигрим. – Цирка мне на сегодня хватило. Вы двое, выметайтесь!

Охранники и рады были подчиниться. Марьян проводил их тоскливым взглядом, теперь спихивать вину было не на кого. Однако возражать и вступать в прямой конфликт он не решился.

– Видите, они послушные, – язвительно заметила Рада. – Стоило попробовать!

– В следующий раз учту, – буркнул Марьян.

– Какой еще следующий раз?!

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – вклинился Пилигрим. – Я только на миг отвернулся – а тебя уже нет!

– Сама такого не ожидала, – признала Рада. – Это вон те два лося, которым, конечно же, никто ничего не приказывал, ловко сработали. Схватили меня и сюда приволокли, я и пикнуть не успела.

– Зачем?

– Они не сказали: первое время они просто мешали мне встать, а потом ты подрос. Но рискну предположить, что наша не сильно уважаемая кикимора успела позвонить вот этой фрикадельке и сообщить, что его ищут. Ну а уже он собирался допросить меня с пристрастием.

– Какая еще кикимора? Не знаю никакой кикимору! Ни одной не знаю! – объявил Марьян. Но по злому взгляду крошечных глазок несложно было догадаться: все он прекрасно знает, Рада попала в цель.

– Поговорить нам все равно придется, – указала Рада. – Но теперь уже по-другому.

В этом она была права, Марьян сам себе оказал медвежью услугу. Может, не знал, с кем связывается, или привык вот так действовать. Если бы Рада и Пилигрим просто пришли к нему, он не обязан был бы говорить с ними – вообще. Мог наврать с три короба или выставить их вон.

Но теперь он сам обеспечил их оружием – возможностью шантажа. Он похитил толмача и натравил свою охрану на градстража. От этого веяло проблемами, которые были уважаемому банкиру совсем не нужны.

– Все это закончится хорошо только при одном раскладе, – предупредила Рада. – Мы задаем вопросы, вы отвечаете быстро и честно. Вот тогда мы уйдем и не будем настаивать на аресте. Если же нет – поговорим в отделении градстражи, мне без разницы, все равно у меня на сегодня других планов нет.

Ее уверенность поражала. Пилигрим чувствовал, что она напугана – да и кто угодно был бы напуган на ее месте! Но если бы он был простым человеком, он бы этого не заметил, держалась она отлично, он даже не ожидал такого от мелкой девицы без магических способностей.

Кладник тоже был впечатлен. Он злился, однако кое-как сумел растянуть пухлые щеки в фальшивой улыбке.

– Помогу чем смогу, – пообещал он.

– Лучше правдой помочь, – сухо заметил Пилигрим. – Предупреждаю сразу: ложь я чувствую.

– Конечно же, правдой! Я всегда говорю только правду! – тут же солгал Марьян.

Рада осталась на том же стуле, только устроилась свободней. Пилигрим подошел поближе и остановился у нее за спиной, чтобы она чувствовала себя уверенней. Садиться он не собирався, ему нравилось смотреть на кладника сверху вниз.

Рада достала все то же фото теннина и передала его Марьяну.

– Узнаете его? – спросила она. – И перед ответом как-то закрепите в памяти, что ложь не прокатит.

Дураком Марьян не был. Если он действительно связался с кикиморой, должен был знать, что она сообщила им все про его встречу с Канзабуро – и время этой встречи. Со случайно свернувшим не туда незнакомцем час не разговаривают.

Если бы кладник сейчас начал врать и уходить от ответа, это стало бы намеком на то, что он причастен к похищению Канзабуро. Марьян и сам, должно быть, понял это. После недолгой паузы он решился говорить правду:

– Да, он был у меня несколько дней назад, недели не прошло.

– Зачем он искал вас?

– У него случилась история любви.

Пилигрим давно уже догадывался, что японец прибыл в Минск не просто так, никакой туризм его не интересовал. Теперь это подтвердилось.

Ито Канзабуро уже несколько лет переписывался с местной переводчицей и японисткой. Их общение началось с общих профессиональных интересов, постепенно напиталось симпатией, а потом полыхнуло романтикой. Для застенчивого и нелюдимого теннина это, похоже, была первая большая любовь, да и собеседнице он понравился. Но он приехать стеснялся, а она не могла – не хватало денег.

– Она из тех, кто верит, будто деньги все решают, – рассмеялся Марьян. – А деньги на самом деле не решают ничего! Но в этом каждый желает убедиться самостоятельно.

– Вы заключили с ней сделку? – холодно осведомился Пилигрим.

– Я-то? Я тут ни при чем. Она просто имела неосторожность высказать при мне свое желание, а моя магия сработала инстинктивно. У кладников так бывает!

Это тоже было враньем – минимум наполовину. Скорее всего, та женщина, не зная законов магии, и правда высказала желание случайно. Но Марьян прекрасно знал, что делает, просто не захотел отказываться от лакомого кусочка. Однако признаваться в таком перед град-стражем было слишком опасно, отмалчиваться – тоже, вот кладник и сочинил историю про случайную магию.

Ситуацию это не меняло. Женщина, загадавшая желание, в тот же день выиграла огромную сумму в лотерею. Вот только счастья это ей не принесло, сделки с кладником счастье и не обещают. Она была непередаваемо богата, она могла купить себе что угодно, однако ей больше ничего не хотелось, а возможность без желания бессмысленна.

Женщина, ничего не зная о собственной сделке с кладником, не могла понять, что происходит. Сбылись все ее мечты – и тут же потеряли смысл. У нее не было ни одной причины для горя, все шло отлично, а ей с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Чтобы вырваться из заколдованного круга, она решила отправиться в желанное путешествие, встретить человека, которого смогла полюбить на расстоянии. Добралась, встретила. Ее любовь и правда была сильна, счастье мелькнуло на короткий миг – и тут же отправилось из ее души прямоком в ненасытную пасть кладника. Это стало для нее серьезным ударом, ее не покидало ощущение, что надежды больше нет.

Она даже не догадывалась, что ее возлюбленный на самом деле не человек. Да и теннин не спешил раскрывать ей правду, но сам он почувствовал: творится нечто неладное. Больше,

чем простая человеческая хандра. Он мало что знал о славянской нечисти, понятия не имел, кто такие кладники, поэтому сразу помочь своей любимой не сумел. Она вернулась домой, а он начал собирать информацию.

– Я не представляю, как он на меня вышел, – заявил Марьян, и теперь он был честен. – Думаю, просто вычислил сначала воздействие кладника, а потом прикинул, с кем из кладников могла пересечься его бабенка. Он настойчивый.

– Чего он хотел от вас?

– Ее свободы, разумеется. Он понимал, что я не отдам ее просто так.

– Почему? – не выдержал Пилигрим. – Сделка же якобы была заключена случайно!

Он понимал, что это прозвучало несколько наивно. Ему просто было любопытно, как отреагирует кладник. Тот, как и следовало ожидать, не смутился:

– Случайно или нет, а сделка есть сделка. Я свою часть выполнил – она получила богатство. С чего мне снова увеличивать свой голод? Мне и с малым голодом непросто живется!

– Что предложил вам теннин? – спросила Рада.

– Да сущую ерунду, – раздраженно поморщился кладник. – Какое-то там волшебное платье, с помощью которого можно летать... Ну совсем безмозглые они там, в своей Японии! Куда мне летать? Он меня летающим представлял вообще? Я ж на дирижабль похож буду!

Марьян и правда верил, что заморский гость пытался отделаться от него первой попавшейся безделушкой. А вот Пилигрим уже достаточно знал о теннинах благодаря Раде, чтобы понять истинную суть предложения. Ради любимой женщины Ито Канзабуро был готов отдать самое дорогое: родовое хагоромо, без которого он навсегда потерял бы возможность летать. Ему наверняка казалось, что уж такой жертвы будет достаточно – да не срослось.

– Вы отказали ему? – спросила Рада.

– Конечно, я ему отказал! Зачем мне платьюшко это, в которое я даже не влезу! Я сказал ему принести мне что-нибудь такое, что утолит мой голод получше души его бабенки. Вот тогда сделка была бы разорвана, не спорю. Я свое слово всегда держу!

– Что он ответил на это?

– Что будет искать.

– Вы предложили ему что-то конкретное? Что-то потребовали?

– Нет, если бы существовало что-то конкретное, способное уменьшить мой голод лучше, чем человеческая душа, оно давно было бы у меня, – хмыкнул Марьян. – Япошка сказал, что будет искать. Я решил: пусть ищет, мне-то что? Я видел его всего один раз в жизни, во время того разговора. Потом он ушел, и мы больше не встречались. И вот я узнаю, что его кто-то ищет через меня! Но это глупо, должен вам сказать. Мы с ним не были связаны. Я не представляю, что с ним стало, и мне это неинтересно.

– Не сомневаюсь, – холодно произнесла Рада. – Но про свою невольную клиентку вы точно знаете побольше. Запишите все, что вам о ней известно.

– Я, вообще-то, не обязан!

– Нос сломаю, – предупредил Пилигрим.

– Что-о-о? – взвился Марьян. – Это не по закону! По закону вы должны меня задержать и предъявить обвинения!

– Это да, но мне лень, поэтому я незатейливо сломаю нос.

– Какой кошмар! И это говорит наша градстража! Честной нечисти!

На самом деле Пилигрим никому ломать нос не собирался, однако Марьян об этом не знал. Кладник всех судил по себе, он не сомневался, что если он способен на насилие, то и остальные тоже без проблем пересекут эту черту.

Именно поэтому угроза сработала. Возмущенно сопя и косясь на Пилигрима, кладник торопливо записал что-то и передал листок бумаги Раде. Она очаровательно улыбнулась ему:

– Спасибо за ваше содействие! И еще... Когда вам в следующий раз захочется кого-нибудь похитить, идите и убейтесь об стену с разгона. Хорошего дня!

Глава 3. Что, если рядом хихитун?

*Птицы дохнут на лету —
значит рядом хихитун.
Соль за спину сыпани
да паршивца отпугни!*

Детский стишок, элемент народного творчества нечисти. В XX веке по настоянию сообщества хихитунов был исключен из всех пособий и учебников. До сих пор распространяется в устной форме.

Рада не сомневалась, что испытание она выдержала достойно. Она видела, как кладник смотрел на нее: изучал, искал слабинку. Если бы он понял, насколько сильно она напугана, он бы вел себя иначе и с правдой не спешил.

Но ей удалось выдержать, тут ее преподаватели из университета могли бы ею гордиться. Они всегда говорили: не важно, что ты чувствуешь на самом деле, толмач должен оставаться спокойным и со всем справляться. Вот она и справлялась.

А не испугаться она не могла. Слишком уж неожиданно все произошло! За скандалом, который устроил Валерий Боч, она наблюдала с любопытством, она не боялась, знала, что тут будет безобидная потасовка – и не более. А потом толпа вдруг ломанула в сторону, Радую схватили сильные руки, куда-то потащили, мимо мелькали огни, она не то что крикнуть – вдох сделать не успевала!

Опомнилась она только в кабинете кладника. Все провернули настолько быстро и грамотно, что сомневаться в профессионализме его охранников не приходилось. Так что Марьян зря пытался выставить их идиотами, которые по собственной инициативе схватили первую встречную. Впрочем, он и не ожидал, что ему поверят. Он просто действовал осторожно.

Он с Радой не разговаривал, да и она тогда не была настроена на беседу. Она пыталась спастись, вырваться из кабинета, потому что только это позволяло ей не поддаваться панике. Она боялась того, что с ней сделают дальше...

Но испытать это ей так и не довелось, появился Пилигрим – и правила игры тут же изменились. Рада понятия не имела, как он так быстро нашел ее, но и не удивлялась этому. Она ведь сразу определила, что он не человек, однако так и не выяснила, к какому виду нечисти он относится.

Рядом с ним легко было изображать спокойствие, потому что его сила впечатляла. Теперь уже Рада не сомневалась: ее защитят, преимущество на ее стороне. Это позволило ей вести допрос так, как надо. Ну а нервная дрожь накрыла ее после того, как они вышли из банка.

– Эй, ну ты чего? – смутился Пилигрим. Как и многие знакомые ей градстражи, дрался он лучше, чем успокаивал. – Все же обошлось!

– Я знаю, – быстро кивнула Рада. – Просто... дай мне пять минут.

– Да без проблем.

Сам он, казалось, не был впечатлен случившимся. А вот Радую не покидало чувство, будто она только-только вылезла из ледяной воды. Странно так... вокруг нее все еще стоял теплый июньский день, гуляющие горожане нежились под лучами солнца, многие старались укрыться в тени, а то и вовсе в прохладе кондиционеров. Рада же рвалась туда, где пятна солнечного света лежали жидким жарким золотом. Это помогало: внутренний холод постепенно ослаблял свою хватку.

Они медленно прогуливались по городу и со стороны наверняка казались самой обычной парой. Пилигрим не пытался поговорить со своей спутницей, но и не упрекал, уже спасибо.

Он достал из кармана смартфон и что-то искал, то и дело сверяясь с бумажкой, переданной им кладником.

– Давай остановимся где-нибудь, – предложила Рада. – Тебе же неудобно работать на ходу...

– Мне нормально, но как скажешь.

Они пересекли загруженную в этот час улицу и поднялись на прогулочную площадку возле торгового дома «На Немиге». Там, среди островков цветущих клумб, народу тоже хватало. Однако хватало и больших овальных лавок, при желании можно было найти место, где никто не услышал бы их разговор.

На одной из таких лавок Рада и оставила своего спутника. Сама она зашла в магазин, а вернулась уже с мороженым. Внутренний холод исчез, и она снова вспомнила, что вокруг них пылает лето.

Пилигрим посмотрел на протянутое ему мороженное с таким удивлением, будто Рада только что предложила ему собственноручно подоить енота.

– Это еще зачем? – нахмурился он.

– Чтобы есть. Ртом.

– Мы на работе!

– И дальше будем на работе, – кивнула она. – Возлюбленная теннина живет недалеко отсюда, вон ее дом виден, можем сразу к ней и отправиться. Но как этому помешает мороженное?

– А почему такое? – Пилигрим с озадаченным видом принял у нее маленький кирпичик мороженного, завернутый в синюю фольгу.

– Потому что это самое вкусное. Не знал, что ли?

– Не эксперт.

– Ну вот, я тебя посвящаю в тайны мироздания!

Рада ни на секунду не забывала, как мало она знает о своем спутнике – да и то, что знает, настораживало ее. Как, например, упоминание матери о его будущей судимости. Хотелось спросить его об этом, причем сразу, но Рада чувствовала, что он не ответит.

Сегодня она еще и получила возможность наблюдать, как он дерется. Это ее не напугало, напротив, отогнало страх, оставленный другими, и разожгло любопытство. Поиски Канзабуро-сана шли совсем не так, как ожидала Рада, и уже стало очевидно, что им с Пилигримом придется работать вместе дольше, чем они предполагали.

Разве это не повод узнать друг друга?

– Так откуда ты? – как бы между делом спросила Рада, аккуратно разворачивая мороженное. – Из Витебска?

– Оттуда я перевелся, там заканчивал академию.

– Но сам не оттуда?

– Нет.

Рада раздраженно фыркнула. Она надеялась, что он заговорит сам, все ведь по умолчанию понимают, как нужно отвечать на такие вопросы! Но Пилигрим то ли не понимал, то ли отвечал намеком на намек.

Сдаваться она все равно не собиралась.

– А откуда тогда?

– Какая разница? Из провинции.

– Провинция бывает разная! В сущности, все, что не Минск, – провинция.

– Из глухой и совершенно неинтересной провинции, – отрезал Пилигрим. – Не о чем тут говорить.

– Ясно... А что ты умеешь? Я имею в виду, в плане способностей.

– Ты ведь понимаешь, что это не информация общего доступа? Если тебе такое не сообщили сразу, есть причина.

– Да знаю я! – отмахнулась Рада. – Что я, с градстражей не общалась? Но сегодня вот мы убедились, что наше расследование может развиваться... по-всякому. Было бы неплохо знать, кто на моей стороне. Неужели так сложно сказать? Или ты серьезно думаешь, что я эту информацию в общий доступ выложу? Мне просто так спокойней!

На этот раз Пилигрим с ответом не спешил. Они оба некоторое время сидели в тишине, наблюдая, как пчелы и бабочки кружат над цветами. Машины и городская суета остались где-то за пределами высокой прогулочной площадки, и Раде это нравилось.

Наконец Пилигрим скатал синюю фольгу в шарик, ловко забросил в дальнюю мусорку и все же удосужился ответить.

– Я ведьмар. И, умоляю, воздержись от шуток в духе «Ха-ха, это как ведьмак?»

– За кого ты меня держишь? – оскорбилась Рада. – Я прекрасно знаю, кто такой ведьмар!

– Ну и все. Можем работать дальше.

На самом-то деле это было далеко не «ну и все». Рада действительно знала, какими силами обладают ведьмары, – и видела, что не все способности Пилигрима могут быть объяснены принадлежностью к этому виду.

Ведьмары – это, по сути, кто? Да те же ведьмы. Знают заклинания, разбираются в травах, иногда видят вещие сны. Есть еще некоторые особенности, в зависимости от клана, но незначительные. У ведьмаров не меняется внешность, они не обладают той удивительной физической силой, которую Пилигрим продемонстрировал в драке с охранниками Марьяна... Вот и как это понимать? Получается, он соврал ей сейчас? А зачем? Бессмысленная какая-то ложь!

Хотя, может, это и не ложь была. Возможно, он просто использовал заклинания, о которых Рада прежде не слышала. Разобраться в этом она пока не могла, ей только и оставалось, что доверять ему.

– Я проверил информацию, которую нам дал кладник, – сказал Пилигрим, убирая смартфон в карман куртки. – Все сходится – и имя, и телефон, и адрес.

Возлюбленную теннина звали Нина Голубкова. Она всю жизнь была одинока и не слишком успешна. Удовольствие получала разве что от своей работы, замуж так и не вышла, денег вечно не хватало. И вот она выиграла огромную сумму в лотерею – такую, которая была способна обеспечить ее до конца жизни.

Теперь Нина могла позволить себе что угодно. Она купила квартиру в знаменитом новом доме возле Троицкого предместья, наняла стилиста, путешествовала, научилась водить машину. Если судить только по этому, она должна была стать счастливейшим человеком в мире – вот же оно, все то, о чем она мечтала!

Но если бы так и получилось, Ито Канзабуро вряд ли рискнул бы фамильным артефактом ради помощи ей.

Пилигрим набрал ее номер, Нина ответила почти сразу. Разговаривать с ней градстраж не стал, ему просто требовалось убедиться, что она дома. Рада была согласна с таким подходом: им и правда нужно было побеседовать лично.

Здесь, в мире обычных людей, о толмачах ничего не знали, так что главную роль предстояло играть Пилигриму. Как раз для таких случаев у всех градстражей были удостоверения сотрудников милиции, открывавшие им многие двери. И хотя служебное расследование в отношении Пилигрима еще не закончилось, удостоверение у него не отобрали.

Правда, это упростило им жизнь не так сильно, как надеялась Рада. Вахтер попался на удивление дотошный, он не спешил пропускать их наверх. Он все допытывался, куда это они направляются, кто такая Рада, ожидает ли их Нина Васильевна...

Беседа затягивалась, Пилигрим уже начинал терять терпение, когда проблема все-таки решилась сама собой. Откуда-то из недр подъезда выскочила бодрая лайка, обрадованная тем,

что ей удалось вырвать поводок из рук хозяина. Она тут же набросилась на вахтера, но не в желании загрызть, а в стремлении чуть-чуть пообниматься. Вахтер же, не ожидавший такого внезапного приступа любви, не удержался на ногах и вместе с массивной собакой повалился на пол.

Следующим на сцену вышел взволнованный хозяин лайки. Он пытался оттащить питомца в сторону, но пока не мог справиться с бурным собачьим восторгом. Теперь два человека и один зверь напоминали причудливое чудовище, ворчащее и поругивающееся на полу. Наблюдать за ними было занятно, но бессмысленно. Рада и Пилигрим воспользовались моментом, чтобы идти дальше, к нужной им квартире.

Подъезд был роскошным, как и весь дом, – но не совершенным. Между вторым и третьим этажами Рада увидела на светлой штукатурке грязные потеки – похоже, где-то в стене прорвало трубу. На пятом этаже стекло было исчерчено трещинами. Лифт и вовсе оказался заблокирован из-за поломки.

– Похоже, тут все богатые плачут, не только Нина, – заметила Рада.

– Да, очень любопытно, – задумчиво отозвался Пилигрим, оглядываясь по сторонам.

– Ты что-то чувствуешь?..

– Пока ничего конкретного, не думай об этом.

Нина Голубкова купила себе квартиру на седьмом этаже – может, надеялась, что счастливая цифра принесет ей удачу? Если так, то не сложилось. На окошке в коридоре стояли горшки с мертвой геранью. Раде всегда казалось, что более живучий цветок найти сложно – разве что одуванчик. Но тут, пожалуй, и одуванчики бы не выжили...

Пилигрим нажал на кнопку дверного звонка, шаги на той стороне зазвучали почти сразу. Нина открыла им безо всяких вопросов – хотя зря она так, конечно. Может, надеялась, что вахтер не пустит посторонних. А может, ей уже было все равно.

Хозяйка квартиры оказалась крупной, не слишком красивой, но ухоженной женщиной. Чувствовалось, что над образом поработали стилисты, подобрали удачную стрижку, посоветовали платье, подчеркивающее лучшие черты фигуры. Нина была бы даже обаятельной, если бы хоть раз улыбнулась, если бы в глазах остался блеск.

Но она казалась какой-то потухшей, измотанной и безразличной ко всему. Как будто она прожила на свете не сорок лет, а все двести, посмотрела на все и от всего устала. Не похоже, что ее радовала роскошная квартира и право никогда больше не беспокоиться о деньгах. Глядя на нее, Рада невольно поежилась: если это и есть цена сделки с кладником, то ну его, такое богатство!

Пилигрим же на подобное не отвлекался – то ли не замечал, то ли ему было все равно. Он сразу же показал Нине удостоверение.

– Мы из милиции.

– Вы по поводу того несчастного курьера? – безразлично поинтересовалась хозяйка квартиры.

Вот этим она смутила даже градстража.

– Какого еще курьера?

– Ну как же... Вчера тут курьер упал на лестнице, сломал ногу. Он кричал, что его толкнули в спину и он сообщит в милицию. Я решила, что он все-таки написал заявление, раз вы здесь.

– Он вас обвинил? – уточнил Пилигрим.

– Не думаю. Меня в этот момент не было рядом. Но рядом вообще никого не было, так что не представляю, кого он может обвинить.

– Понятно... Мы здесь не из-за этого. Вам знаком человек по имени Ито Канзабуро?

До этого момента Нина оставалась все такой же безразличной – ее не волновали ни травма курьера, ни его возможные обвинения, ни прочие странности, творящиеся в подъ-

езде. Однако упоминание Канзабуро-сана впервые нарушило ее апатию, заставило вздрогнуть, почувствовать хотя бы тень тревоги.

Похоже, она его действительно любила – но до того, как по глупости потеряла собственную душу. Теперь тревога, вызванная отголоском той любви, мелькнула и угасла, оставив лишь память о себе.

– Да, я его знаю. Что-то случилось?

– Он пропал, мы его разыскиваем. Мы можем войти?

– Да, конечно.

Квартира Нины Голубковой была прекрасной. Дорогим здесь оказалось все: дубовый паркет, обои, хрустальные люстры, мебель. Богатство оказалось не кричащим, а подобранным со вкусом, повсюду царила идеальная чистота. Но вот эта чистота как раз угнетала. Казалось, что Нина вообще не пользуется своими сокровищами, не подходит к ним, не берет в руки. Она жила в своем доме, как в музее, смотрительница тут, а не хозяйка. Вряд ли она даже могла понять, что в крошечной старой квартире ей было лучше... А может, понимала? Если понимала, ей было лишь сложнее.

Она провела их к открытой кухне, совмещенной со столовой, усадила за стол, поставила чай. Все это Нина делала по привычке – как будто это было программой, оставшейся в ее памяти с бесконечно далеких времен прошлой жизни.

– Так что случилось с Ито? – безразлично спросила она.

– Этого мы пока не знаем, – ответил Пилигрим. – Когда вы общались с ним последний раз?

– Дайте подумать... Несколько дней назад он заходил. Это был сюрприз, я его не ждала. Очень приятный сюрприз. Я была ему рада. Мы очень мило посидели, он обещал зайти еще, но так и не зашел.

Наблюдать за Ниной было интересно – и бесконечно жутко. В ее словах был один смысл, а в голосе, выражении лица и взгляде совершенно другой. Чувствовалось, что слова она подбирает по ситуации: говорит то, что нужно говорить сейчас. А на самом деле в день визита Ито Канзабуро ей было не радостно, да и то, что он больше не пришел, не вызвало настоящей грусти.

Он был самым важным человеком в ее жизни – это Рада понимала, разглядывая фото в рамках, их в квартире хватало. Нина часто фотографировалась вместе с Канзабуро-саном во время своей поездки в Японию, тогда она могла испытывать хотя бы крошечные искры радости, но только рядом с ним. Теперь же угасло и это.

А на более ранних фотографиях, из прошлого, до сделки с кладником, Нина была совсем другой. Менее ухоженной, одетой скромно, но улыбающейся так очаровательно, что она затмила бы любую красавицу. В эту женщину, должно быть, и влюбился теннин – для теннинов душа всегда была важнее внешности. Ее и хотел вернуть... а потом пропал.

– Он говорил вам что-нибудь особенное при встрече? – спросил Пилигрим. – Или, быть может, что-то, показавшееся вам странным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.